

Тишина

Карима Сорокоумова

18+

Карима Сорокоумова

Тишина

<https://litres.ru/74675012>

SelfPub; 2026

Аннотация

Рассказ о том, как два разных мира обретают общий язык там, где бессильны слова.

Джумана — чуткая студентка лингвистического, которая выучила язык жестов, даже не подозревая, для чего Всевышний дал ей этот шаг. Мухаммад — немой парень с тонкой душой и сильным характером, привыкший жить в вынужденном молчании и переживающий, что его особенность может стать преградой для семейного счастья.

Светлая история о предопределении, милосердии, преодолении внутренних страхов и о том, как тишина из испытания превращается в уютное пространство для двух любящих сердец.

Содержание

* * *

4

Конец ознакомительного фрагмента.

13

Карима Сорокоумова

Тишина

* * *

Джумана

Я присела в парке на лавочку под большим деревом. Мне не нравилось сидеть на виду, вообще быть на виду. Но в этом огромном старом дереве что-то было. Я сама не знала, что. Оно притягивало меня с детства. Я подозревала, что многие садились на эту лавочку только потому, что там была лавочка. Или потому, что летом там была отличная тень. Мне же нравилось именно это дерево, и я была рада, что в своё время кто-то догадался поставить тут скамейку.

Я достала телефон, полистала несколько минут соцсети. В университете просто не было времени — конец года, проекты, экзамены.

Я знала давно, что буду преподавать языки. Поступила в хороший вуз, выбрала ученые ещё со средней школы английский с испанским. И с упоением всё это изучала.

Здорово, когда занимаешься тем, что нравится. Я могла только догадываться, как чувствуют себя те, кто учится не по зову сердца, а вопреки. Я была благодарна Всевышнему за этот шанс.

Остался год. Но работала я уже сейчас — скорее ради практики, чем ради денег. И пока всё получалось. Мама говорила, я легко нахожу подход к людям, легко устанавливаю с ними контакт. Это здорово помогало в работе преподавателя.

Лето на пороге. Дача, природа, новые планы. Лучший отдых — смена деятельности, как любил говорить папа. Я жила по этому принципу. Мне нравилось быть активной, строить планы, видеть достижения.

Это лето обещало принести мне ещё один долгожданный плод: я заканчивала трёхлетнее исламское образование на арабском. Если всё пройдёт хорошо, я очень скоро буду с дипломом: для меня это был важный шаг. Что дальше в религиозном развитии, я пока не решила. Что-нибудь со временем нарисуеться.

Я закрыла телефон и подняла голову, любуясь шелестящей надо мной листвой.

Однажды в моей жизни произойдёт и другое изменение. У меня, иншаАллах, будет своя семья. Как у старшей сестры.

Но это потом. А пока — учёба, работа, поклонение Всевышнему. И замечательные десять минут в приятной тишине на знакомой с детства скамейке под раскидистым деревом, которое было в разы старше меня.

Интересно, во времена моих прадедушек и прабабушек здесь была скамейка? Дерево точно было.

Чем тогда жили люди? О чём мечтали? Исполнились ли

их мечты? Жив ли кто-то из тех, кто стоял под этим деревом, скажем, девяносто лет назад?

Я волевым усилием остановила поток мыслей и улыбнулась тому, как они всегда вот так затапливали меня бурным потоком.

Папа часто качал головой и говорил, что я слишком много думаю. Наверное, это была правда. Но по-другому я не умела.

* * *

Мухаммад

Я вылез из-под машины, положил инструменты обратно в ящик, кивнул папе.

Всё.

— Точно всё, да? — переспросил он, и я кивнул снова.

Я догадывался, что эта привычка переспрашивать, хоть она и не была направлена исключительно на меня, сформировалась у него как раз в процессе моего воспитания. Точнее даже, в моём детстве. Потому что когда твой сын не разговаривает, а только кивает и общается жестами, имеет смысл переспросить, чтобы исключить неправильное понимание.

Я улыбнулся ему. Он улыбнулся в ответ.

Я бросил взгляд на машину. Она была у папы три года. И все три года я ремонтировал её сам.

Я любил гайки и моторы. Но не какие-нибудь, а именно на

машинах. Я не знал, почему. Возможно, потому, что в детстве папа притащил мне из гаража целый ящик старой техники и разбирал её вместе со мной, попутно объясняя мне, как всё это устроено. Но к машинам я тогда ещё не питал каких-то восторженных чувств.

А потом, в самый, наверное, тяжёлый период моей жизни, в тринадцать, когда мы переехали на новое место и я попробовал пойти в обычную школу, папа отвёл меня, уставшего от насмешек и издевательств, к своему троюродному брату, державшему автосервис. И там я вдруг нашёл себя.

Перемазанный машинным маслом и счастливый, несмотря на мамин искренний ужас от вида моих футболок и штанов, я вдохновенно постигал автомобильную науку под дядиным руководством.

А когда образование моё родители перевели в онлайн-формат, мучения мои значительно уменьшились, времени же появилось намного больше. И моё торчание в автосервисе перестало быть предметом обсуждения, со временем превратившись из хобби в работу.

Я был искренне благодарен тем, кто изобрёл смартфоны. Потому что было время, когда мне, тогда ещё дошкольнику, приходилось таскать с собой блокнот, на первом листе которого было крупно написано маминой рукой: «Я не могу говорить».

Я мог показать его в экстренной ситуации, когда ко мне обращались, а родителей не оказывалось рядом. Сам я тогда

писать ещё не умел.

А когда научился, всё стало легче. Сейчас вместо блокнота мне помогал телефон. Я держал под рукой открытые «Заметки», и мой диалог с любым человеком начинался коронной фразой на экране: «Ассалямү алейкум. Меня зовут Мухаммад. Я не могу говорить. Поэтому буду писать вот здесь». Если обращаться приходилось к немусульманам, место саялама занимало нейтральное «здравствуйте». И дальше я печатал свои вопросы или ответы с набранной за годы практики почти молниеносной скоростью.

Унижения были. Насмешки были. Едкие замечания и оскорбления были. Суеверный страх перед моей «зловеще молчащей» персоной на фоне некоторой бородатости, а также подозрения, что у меня не в порядке не только с речью, но и с головой, тоже. Но не так часто.

Увлечение ремонтом машин перешло в поступление после школы на автомобилестроение. Я заканчивал в этом году.

Новый этап жизни.

Я работал давно, и здесь меня вряд ли ждут большие перемены.

Предстояло другое. И это другое не казалось лёгким. Я без труда догадывался, что далеко не каждая девушка готова была прожить жизнь в тишине. Когда задаёшь вопрос и в ответ не раздаётся голос. Когда шутишь и в ответ не раздаётся смех. Когда говоришь что-то ласковое, а в ответ или ти-

шина, или в лучшем случае беззвучные напечатанные буквы на экране смартфона. Когда твой муж не может читать вслух Коран, наполняя дом благодатью слов Всевышнего. Не сможет прочитать азан в ухо своему ребёнку. Не сможет ласково поговорить с ним и научить его читать. И не сможет окрикнуть его в случае опасности.

Папа положил руку мне на плечо, не обращая внимания на следы масла на футболке, и мы пошли домой.

Я глянул на весеннее небо. «Что должно постигнуть вас, то не обойдёт вас стороной, а что обошло вас стороной, то не могло постигнуть вас».

* * *

Джумана

У меня был ещё один проект, о котором никто не знал. И мне вдруг подумалось, что если бы кто-то знал, у них непременно возникли бы вопросы, зачем мне это.

Наверное, поэтому я никому не сказала.

Я видела его в университете, но редко — он был с другого факультета. Ходил с соблюдающими, носил бороду. Я даже знала, что зовут его Мухаммад.

И лишь один раз они оказались совсем близко от меня — в самом начале моего первого курса. Я как раз глянула в коридор, потому что ждала подругу, которая порядком опаздывала, но не отвечала на сообщения. И увидела, как в ответ

на вопрос: «Ты же на этой неделе уезжаешь? И во сколько?» — парень молча повернул к братьям по вере телефон, и они дружно кивнули. Я убрала глаза, и отвернулась. Но вопросы, адресованные ему, продолжали звучать за моей спиной. И не прозвучало ни одного ответа. Я догадалась, что ответы были — на экране телефона.

И только тогда я поняла. Он не может говорить.

Всю следующую неделю я думала о том, как живут немые люди. Среди моих знакомых таких не было.

Глядя, как мама на кухне наливает чай, весело болтая с папой, я подумала о том, как это — когда не можешь ничего сказать. Спросить. Ответить. Пошутить. Засмеяться. Закричать. Прочитать «Аль-Фатиху» вслух, стоя имамом в намазе.

И я принялась читать. Потому что когда мне было что-то интересно, я знала, что не успокоюсь, пока не изучу тему вдоль и поперёк. Я подумала о том, как иногда в детстве с интересом наблюдала за какой-нибудь тётенькой в окошке на экране, которая занималась сурдопереводом. И думала о том, что это за таинство такое — разговор руками. Как вообще руками можно что-то сказать?..

Мои исследования увели меня сначала в медицинские дебри и статистику, а потом пробудили во мне желание выучить язык, о котором я прежде даже не думала. Мне казалось, что языки — это родной, с которым ты растёшь, не задумываясь. Арабский, который ты учишь по мере возможностей как язык Корана. Иностранный — например, англий-

ский, — который ты учишь для учёбы или работы, как в моём случае, либо просто для души. Ну и все остальные.

Но я выучила другой язык. Когда на нём разговаривают, не раздаётся ни звука. Мне особо не с кем было разговаривать на этом языке, кроме случайных людей на улице. И я не собиралась, по крайней мере, пока, использовать его в работе.

Но мне хотелось знать. Хотелось почувствовать, как это: говорить руками, не издавая ни звука.

Я знала теперь. И могла, выключив звук, «слушать» сурдопереводчиков.

И если на горизонте появятся глухие или глухонемые сёстры по вере, я буду готова. У меня есть ключ от этой двери.

Я про языки. И у меня есть диплом, подтверждающий знание языка тех, кто живёт в тишине. Или не может предложить окружающим ничего, кроме тишины.

Теперь я была вхожа в этот мир. И я верила: если это случилось, значит, для чего-то так было надо — просто так ведь ничего не бывает.

Может, папа и прав: я слишком много думаю. Но эта особенность порой выводила меня на столь интересные, столь увлекательные тропы, что я совершенно о ней не жалела.

Мухаммад

Папа о женитьбе молчал — ждал моей инициативы. Мама и младшая сестра спрашивали. Я печатал на телефоне в ответ: «Позже».

Было время, в старших классах, когда в порыве юношеского максимализма я решил было вовсе не жениться. Я думал о том, кому я такой ущербный нужен и зачем обрекать кого-то на сосуществование со мной, когда у них есть шанс встретить нормальных и не жить в тишине.

Но настало время, когда я увидел в этих «логичных» мыслях козни шайтана. Он хочет, чтобы мусульманин был одиноким. Чтобы он страдал. Чтобы вовсе не создавались или разрушались мусульманские семьи.

И я понял: моё дело — попытаться. С правильным намерением — следовать Сунне, искать защиту от искушений, любовь и успокоение, иметь праведное потомство. А там будь что будет. Там всё равно произойдёт лишь то, что мне предопределено. Мне всё равно не достанется ничего, кроме моего удела, а чужой ко мне ни за что не придёт. Мне просто нужно делать шаги, прилагать усилия, создавать причины для того, чтобы этот удел пришёл. И уповать на Аллаха. Полностью положиться на Него. Если в этом есть благо для меня, у меня получится создать семью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.